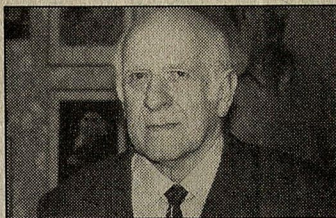

Как Иван Иванович не стал ссориться с Иосифом Виссарионовичем

Сегодня в Доме-музее Ф. И. Шляпина состоится чествование народного артиста СССР Ивана Петрова по случаю его 80-летия

Иван Петров — в гриме короля Филиппа в конце 60-х

По коридору обычной московской школы пробегает ученик и негромко напевает «Любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны...». Встретивший его учитель пения столбенеет: «Что ты поешь?» — «Мне кажется — арию Гремину». — «Вот и мне кажется, что арию Гремину. Всю знаешь?» — «Всю». — «А под рояль сможешь спеть?» — «Никогда не пробовал». — «Пойдем, попробуешь». А когда он попробовал, учитель застыл с открытым от удивления ртом. Этот высокий тоненький юноша владел роскошным от природы, поставленным басом: «Да как же у тебя звучит! Ты должен выступать на школьных вечерах». И он выступал — и не только в школе, но и в театральном-музыкальном училище имени Глазунова, где продолжил образование, потом на Брянском и Волховском фронтах, где в составе фронтовой бригады давал по два-три, а иногда и по четыре концерта в день с ноября 1942-го по апрель 1943-го, а следующие 27 лет — в Большом театре.

Елена ЛИТОВЧЕНКО

— Иван Иванович, признайтесь, вы были влюблены, когда пели в школьном коридоре?

— Девочками увлекался, но влюблен не был.

— Зураб Лаврентьевич Соткилава утверждает, что если тенор не влюблен — он не те-

нор. А что по этому поводу может сказать бас?

— Все дело в чувстве музыкального языка и искусстве перевоплощения. Если артист владеет и тем, и другим, все становится на место само собой и не надо изображать влюбленность.

— Вы пришли в Большой в период, когда в нем пели и Александр Степанович Пиро-

гов, и Максим Дормидонтович Михайлов, и Ханаев, и Лемешев, и Козловский. Расскажите...

— Это была труппа великих и великолепных певцов, и не было никогда никакой зависти — все работали на спектакль. Настоящая интеллигенция в самом высоком смысле слова. Я начинал со Львом Петровичем Штейнбергом, изумительным дирижером. Потом Чугунов был, потом Кондрашин молодой, потом Пазовский, Голованов, Мелик-Пашаев, Небольсин, Хайкин... Я работал и с Рахлиным, и с Мравинским. Пережил многих главных дирижеров и музыкальных руководителей. А в театр меня принимал Самосуд. На прослушивании он предупредил: «О первых партиях и не мечтайте. Будете петь вторые». Но, услышав моего Монтероне в «Риголетто», которому надо петь на высоком регистре под играющий «тутти», то есть в полную силу, оркестр, он сразу подошел ко мне: «Партию Сусанина знаете? Выучите дуэт с Ванькой, сцену в лесу — и начнем работать над «Сусаниным». А ведь недавно говорил обратное.

— Это тот знаменитый спектакль Баратова—Вильямса, к которому приложил руку «отец народов», срежиссировав концовку?

— Не то, чтобы он срежиссировал... Тогда не знали, как закончить. У Глинки разные варианты были. Сталин предложил свой, он, между прочим, понимал в искусстве. Если он делал замечания, это было точно и по существу.

— А какие он делал замечания?

— Я должен был играть Еремку в опере «Вражья сила», а Еремка этот — деревенский мужик, забудыга, готовый за стакан водки душу отдать. Внешность для этой роли у меня была самая неподходящая, в особенности — лицо. И Покровский заставлял меня всячески ломать эту мою интеллигентность. Буквально пол языком лизать. Я так и старался. Когда на спектакль приехал Сталин, он вызвал в антракте директора и спросил: «Что это за молодой человек у вас Еремку поет? Голос хороший, мне понравился. Но уж больно он переигрывает. Чересчур». И я стал более сдержанным.

— И часто вам приходилось иметь дело со Сталиным?

— Со Сталиным я знаком не был, ни слова с ним не говорил. Но Петровым стал с его легкой руки. По паспорту моя фамилия Краузе. Мои предки были обрусевшими немцами. И отец был Краузе Иван Иванович, и дед Краузе Иван Иванович. И на афише я значился под этой фамилией. «Что это за фамилия такая?» — вопро-

шал Иосиф Виссарионович (а это было в 46-м). — Мы только закончили такую войну с фашистами, и тут опять эта фамилия. Меня как-то даже перекорежило. Передайте ему: пусть возьмет псевдоним». Я рассказал жене да и забыл. А Сталин опять приходит на спектакль с моим участием и опять к директору: «Вы передали мои пожелания?» — «Конечно, Иосиф Виссарионович». — «Ну еще передайте». Пришел ко мне директор: «Сталин второй раз сказал о фамилии. Учтите, третьего раза может и не быть». И я, не долго думая, взял фамилию жены.

И вот я дебютирую в роли Бориса на сцене Большого. (Тогда прекрасные артисты Годунова пели — Рейзен и Пирогов, а у меня был вввод.) А Сталин, по слухам, то ли при смерти, то ли уже неживой. 5 марта 1953 года меня привезли в театр. Я гримируюсь и волнуясь ужасно и скорбно: так не повезло... Вышел на сцену. Провел сцену коронации. Спел монолог. Занавес закрылся, и вдруг публика стала вызывать меня на поклон. Вероятно, слухи о смерти уже сделали свое дело. Когда закончилась сцена в тереме и я упал, спасаясь от призрака, — опять страшный успех. А на следующий день объявили, что Сталин умер.

— Смена фамилии как-нибудь помогла?

— Помогло то, что голос был довольно приличный, звучный. Были актерские данные, которыми я умело пользовался, и какая-то необыкновенная увлеченность. Я работал очень много. Не говорю, что все время пел. Шел, например, по улице и думал, как Кочубей может ту или другую фразу произносить. Потихонечку ее напевал и даже делал какие-то жесты. Потом ловил на себе удивленные взгляды прохожих, в которых читалось: «Сумасшедший идет».

А еще мне очень помогали мои старшие великие товарищи.

После двух премьерных спектаклей «Руслана и Людмилы» я поделился своими проблемами с Александром Пироговым. В сцене с Головой на словах «И меч, и щит раздроблены» Руслан начинает искать меч: поднимает один — бросает, другой, третий... И дыхание сбивается, а тут начинается очень трудная вторая часть арии. Александр Степанович засмеялся: «Я тоже через это прошел, и мой брат Гриша, который пел Руслана замечательно. Так вот, он учил меня в пригоровочек, на котором поешь, воткнуть два-три меча. Во время речитатива вы берете их в охапку и на мелодических акцентах бросаете на «землю» — и дальше пошла ария. Я обязан, — говорит, — передать вам этот прием по наследству». И когда я так сделал на следующем

спектакле, все у меня получилось. Много есть хитростей, чтобы донести до публики кульминацию. Можно прекрасно спеть куплеты Мефистофеля, но если заключительное «...правит бал. Ба-а-а-л!» не прозвучит — получите пять хлопков. А если подготовиться к этому моменту...

— В этом вам тоже кто-то помог?

— Конечно. Но нельзя сбрасывать со счетов и мое спортивное прошлое.

— И каким спортом вы занимались?

— Хорошо играл в футбол и баскетбол, в теннис играл прилично, а в волейболе достиг кое-каких результатов. Был ведущим нападающим юношеской сборной Москвы по волейболу. Играл за юношеские клубные команды и завершил свою спортивную карьеру в составе мастеров московского «Локомотива». Поэтому мой Дон Базилио в «Севильском цирюльнике» легко падает плашмя на сцену со словами «Доброй ночи вам желаю», а Мефистофель... Вот с ним случился казус. Сцена в погребке. Знаменитые куплеты Мефистофеля о золотом тельце я заканчиваю, стоя на груди бочек. На спектакле я разбежался, прыгнул и... провалился в бочонки. Оказывается, буталофы сверху поставили не натуральный предмет, а реквизит из папье-маше. Но я не упал, а после слов «Сатана там правит бал» ударил по этой полуразвалившейся буталофории ногой, и она улетела за кулисы.

— Вы — один из участников знаменитых гастролей Большого театра в Ла Скала в 1964 году.

— Они были интересны мне тем, что открывались спектаклем с моим участием — «Борисом Годуновым». А потом в «Князе Игоре» я выступал сразу в двух ролях — Галицкого и Кончака. Так вот, на следующее утро после «Бориса Годунова» мне позвонила Валли Тосканини: «Вас хочет видеть одна дама. Она специально приехала из Рима». Вечером меня познакомили с Мариной Федоровной Шляпиной, дочерью великого певца. Она сказала буквально следующее: «Я ревностно отношусь ко всем певцам, которые выступают в тех ролях, где блистал мой отец. Редко кто мне нравился. Но вчера вы меня потрясли, поэтому примите это в подарок». И достает коробочку, в которой вижу кольцо с рубином в обрамлении других красивых камней. «Этот перстень папа надевал всегда на безымянный палец, когда выходил в роли царя Бориса». Долго хранил я эту драгоценность, а потом решил передать реликвию в Дом-музей Шляпина. Теперь она — часть музейной экспозиции.

— Иван Иванович, вы шестьдесят раз выезжали на гастроли, объездили всю Европу, побывали в Америке, Австралии, Японии... В какой стране вам понравилось больше всего?

— Если бы я не родился в России, то, пожалуй, выбрал бы для жизни Новую Зеландию. Вы даже не представляете, какая там красота! Поселения утопают в цветах, экзотических растениях. Удивительные озера, полные форели. И климат очень хороший, средняя температура — двадцать градусов (самая низкая — плюс десять, а самая высокая — плюс тридцать). И какая-то размеренная, тихая, спокойная жизнь.